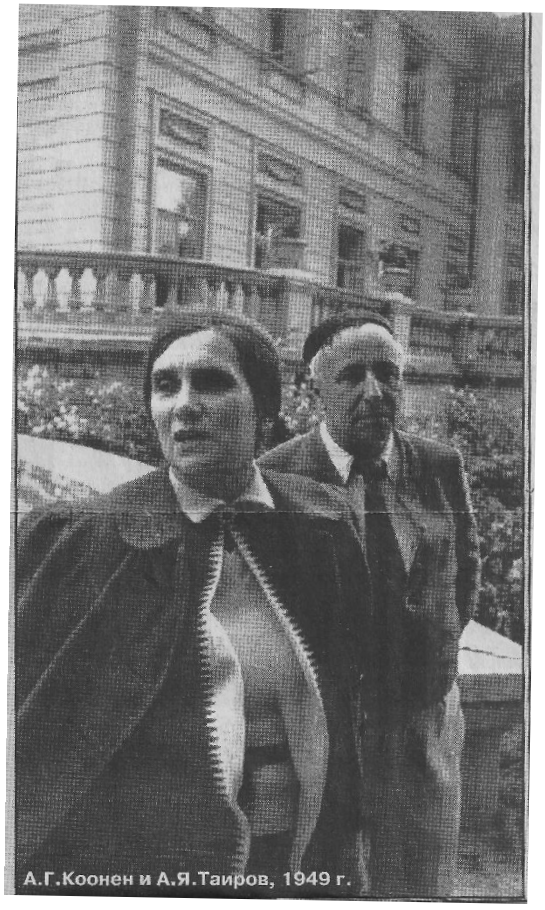
«КОМУ ТЫ В ГЛИНЯНОМ СОСУДЕ НЕСЁШЬ ЗАРЮ АПРЕЛЬСКИХ РОЗ!?»

«ВРЕМЯ — ВЕЩЬ НЕОБЫЧАЙНО ДЛИННАЯ». Маяковский был глуп, когда утверждал это. ВРЕМЯ ИЛЛЮЗОРНО: например, 20 августа было уже ровно 30 лет, как ушла из жизни Алиса Коонен, одна из величайших мировых актрис XX века, а мне кажется, что прошло всего полчаса. Вот уж и своя жизнь подходит к концу — и острее понимается, что великий — он велик во всём: сегодня, когда повальное предательство выкашивает страну, Алиса Георгиевна ни за что на свете не стала бы гримасничать языком о «понесённом от советской власти»: неутомимая труженица, она служила именно СОВЕТСКОМУ театру, а советская Россия, когда во всём мире утверждалось, что большевики едят младенцев (и костей не выплёвывают!), именно её послала с мировыми гастролями — и театры Европы и Америки убедились, что они и в подмётки не годятся революционному театру пролетарской республики…

Да и вообще: она докарабкалась до таких высот театральных, откуда не предают! Горжусь, что мне лично она надписала на сборнике о Таирове такие потрясающие слова: «Искусство театра — пленительное, волшебное искусство, но путь к нему нелёгок… особенно если карабкаешься к самой вершине» (и великодушно добавила: «…пусть эта книга будет Вам добрым напутствием в дорогу»). А балтийским морякам, вспомнившим её Комиссара в юбилейные для неё дни, она через меня прислала привет: «…в течение восьмисот спектаклей я отчаянно боролась, защищая вместе с отрядом священные рубежи нашей Родины. Это был театр. Это было на сцене. Но чувства были подлинные, живые, освещённые душевным горением. И сейчас я невольно вспоминаю суровую Балтику, и мне хочется повторить вам, балтийцам, слова, которые я обращала к морякам в спектакле: «Держите крепко марку военного Красного флота!». Что это?? Какая-нибудь Вишневская с каким-нибудь Ростроповичем так скажут??!

А.Г.Коонен и А.Я.Таиров, 1949 г.

И особо горжусь, что только мне Алиса Георгиевна сочла нужным рассказать такое, о чём тогда и заикнуться-то было нельзя: «После премьеры «Мадам Бовари» Дурылин написал в «Правде», что «чайку» с занавеса МХАТа надо перенести в Камерный театр. Хмелёв поехал в ЦК: «Это оскорбление Художественного театра!». Тогда и Таиров поехал в ЦК: «Буржуазное общество ненавидело Флобера за Эмму – вы тоже хотите этого??» - спектакль разрешили, хотя Дурылина перестали печатать, он бедствовал, мы его подкармливали, но с «Бовари» мы объехали всю страну от Мурманска до Камчатки, последние предвоенные спектакли доигрывали уже в военном Ленинграде, город казался ещё прекраснее…» (сегодня бывшая ученица Таирова — превосходная актриса К. С. Жаркова — сердито рассказывает мне: «У Алисы Георгиевны за этот спектакль в сложнейших конструкциях было 42 мгновенных переодевания — такое ныне никому даже не снилось, никто не умеет и не

знает!» — и добавляет тоже сердито: «Кто-то придумал, негодяи, что она потом прокляла свой театр, а она просто ни разу за 25 лет из гордости не зашла в него, но когда кто-либо из «камерников» умирал — от актёров до рабочих сцены — она всегда выходила к парадному проводить: мы ведь все были её дети». Алиса Георгиевна чудно относилась и ко мне, недостойному, но зато я за все эти годы ни на один день не забывал её. Всё помню: от её героической жизни и трагической кончины — и до её прямо-таки валенковой простоты: здоровалась всегда приветливо даже с совершенно незнакомыми; серьги никогда не носила («ну да, ещё кольцо в нос, я недавно видела у негритянки в журнале»), только простенькие браслеты, памятные кольца («бриллианты — терпеть не могу!») и какое-нибудь ожерелье или бусы из хороших драгоценностей (в спектаклях, если нужно, — серьги просто приклеивала); и часы никогда не носила на руке («часы, а рядом приделать ещё вилку, ложку, бутербродик. Женщины часы должны носить на шее, а мужчины в кармане»); и никогда в ней не было ничего бабьего — жалкого и жадного, а притягательна была необычайно, знала тайну притягательности; презирала всё лишнее; в платных концертах никогда не участвовала («это отвлекает»), а на шефские ездила всегда и с удовольствием; горько жалела пьянчужку Ольгу Берггольц, верно дружила с нею, знала ей высокую цену — а та просто обожала свою старшую подругу и верила Алисе Георгиевне безоглядно (а вот к своей сверстнице Ахматовой Алиса Георгиевна была равнодушна, поддельное величие той её не волновало); будучи великой мечтательницей, трезва была сознательно и умышленно, говорила смеясь: «На ночь читаю журнал «Здоровье» — чтобы с небес прямо в кишки»; никогда не хохмила и не зубоскалила, а юмору была неотразимого: про Доронину во МХАТе говорила с хорошей усмешкой, что та «устроит им там всем «ШАГОМ МАРШ!» (что и случилось вскорости), — ей-то было ясно уже тогда, что следующий виток в русском театре советском только за Дорониной и ни за кем другим; нежно восхищалась знаменитым актёром Романовым, Михаилом Фёдоровичем («лучший Протасов!»), он тоже был полусвятой. А это что?? И в ком ещё это было и есть?? (А уже на моей памяти ею самою безоговорочно восхищались Раневская, та же Доронина, Сперантова, Телегина, Смоктуновский, Лев Михайлов, Окуневская, Глизер… Восхищались восторженно, взахлёб. «Юзя моя большая поклонница», — добродушно говорила мне Алиса Георгиевна…) А Смоктуновский парадоксально заострял своё восхищение: «*Не люблю её — она была большая кривляка: «этого не хочу, Этого не могу, этого не умею…» — ОНА УМЕЛА ВСЁ, это была осыпь таланта»…*

Говорю о ней по телефону с одним своим приятелем-музыкантом, он тихо плачет: «И Ойстрах, Давид Фёдорович, и Яша Флиер, и Гилельс мой любимый, и Юдина, и Светланов, и Мравинский, и Кондрашин — были такие же, а Спиваков, Ростропович и Горенштейн — бездарные ничтожества, их отовсюду гонят свои же»…

Но, наверное, что-то сдвинулось и щёлкнуло в мозгах мракобесов, если они дозволили в её некрологе написать: «…оказала огромное влияние на многих мастеров советского театра», — и всё-таки дали этот текст в тогдашней «Культуре» без портрета Алисы Георгиевны. — Я прибежал в редакцию с кулаками: «Почему?!». — «Она не была Народной СССР». — «Вот когда, — говорю, — у вас умрёт какая-нибудь «народная», то вы дадите о ней с портретом только потому, что она «СССР», а для первой актрисы мира — нельзя!?!», — тут редакционную крысу всю аж перекосило, она позеленела от злости и нервно затрясла пейсами, но всё-таки нажала кнопку и вызвала милицию, меня выводили в наручниках, а я истошно орал, пинался, плевался и царапался… (Ах, Алиса Георгиевна, ты бы это оценила!)

«Оказала огромное влияние…» — а уж про меня-то и говорить нечего: ни встреть я Алису Георгиевну, так и не узнал бы той единственной, потаённой, прячущейся правды, которой «не миновать»…

Захожу в книжные магазины — на полках стоят новейшие издания книг Станиславского, Немировича — и рядом, на равных, изумительная книга воспоминаний

Алисы Георгиевны, ИХ ЛЮБИМОЙ УЧЕНИЦЫ, — как это всё невероятно!! И когда прощались с нею навеки в погибшем потом Доме Актёра — она грустно-задумчиво лежала меж двух их мраморных портретов. — Такого в мире театра тоже не было ни до, ни после и уж, по-видимому, не будет больше никогда…

Известному критику и своему старинному другу — запретила выпускать книгу под названием «Таиров и Коонен», а мне потом объяснила просто и щемительно: «Александр Яковлевич был, конечно, моим учителем в искусстве, в театре, но у нас с ним были и расхождения, мы не во всём были согласны», — и добавляла сердечно. — Да и вообще сегодня надо писать только о Таирове». Сейчас они упокоенные лежат вместе, навеки, её жизнь была целиком отдана его трагической судьбе. Помню, когда её хоронили, Туманов у раскрытой могилы Таирова сказал тоже щемительно: «Через мгновение Алиса Георгиевна окажется в объятиях человека, который обожал её»…

И я не знаю, о ком ещё в целом мире (кроме Толстого-Чехова-Клюева-Платонова и, может быть, Цветаевой) можно так сказать — но именно Алиса Георгиевна была удивительной во всех смыслах особой: однажды поделилась со мной как-то раздумчиво и вскользь, что если успеет закончить воспоминания, то хотела бы написать брошюрку «ЧТО ТАКОЕ АКТЁР», «а то сейчас все забыли, что такое актёр»…

Алисе Георгиевне не хватило всего месяца из её большой и долгой жизни, но именно об этом она думала свои последние думы…

(Кстати, Андрей Платонов жил через стенку от них, но Таиров и Коонен почему-то прозевали его. Так бывает иногда: тоже слишком грандиозным и подсолнечным было это явление — ПЛАТОНОВ!…)

…Была очень дружелюбна: «После премьеры «Каменного гнезда» я позвонила Пашенной: «Вера, я отбила все ладоши!», а та пробасила довольная: «Аличка, ты меня первый раз в жизни похвалила!»…

И свои неизменно дружелюбные письма ко мне всегда начинала по-старинному: «Милый Женя…» — и заканчивала неизменно: «Шлю Вам сердечный привет…», а я помню её милый облик, жесты, движения, голос волшебный и единственный, ритмику, мысли, поступки… и, может быть, я уже выжил из ума, но хочется обратиться к ней, как к живой и родной: «Милая Алиса Георгиевна, смерти твоей я не ощущаю, а память о тебе, твоей чистой святой душе, твоём творческом подвиге великом, живёт и волнует»…

Газета Дуэль № 35 (383) — 31 августа 2004 года **Евгений ОДИНЦОВ**